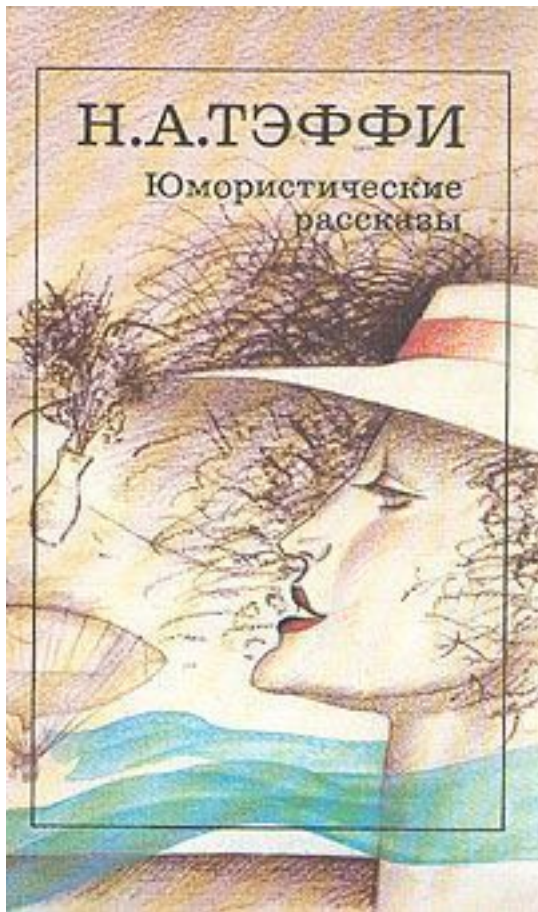

Н.А.ТЭФФИ

Юмористические
рассказы

Надежда Тэффи Выслужился

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155545

Н.А. Тэффи «Юмористические рассказы»: Художественная литература; Москва; 1990

Аннотация

Книга Надежды Александровны Тэффи (1872-1952) дает читателю возможность более полно познакомиться с ранним творчеством писательницы, которую по праву называли «изящнейшей жемчужиной русского культурного юмора».

Надежда Тэффи

Выслужился

У Лешки давно затекла правая нога, но он не смел переменить позу и жадно прислушивался. В коридорчике было совсем темно, и через узкую щель приотворенной двери виднелся только ярко освещенный ку-сок стены над кухонной плитой. На стене колебался большой темный круг, увенчанный двумя рогами. Пешка догадался, что круг этот не что иное, как тень от головы его тетки с торчащими вверх концами платка.

Тетка пришла навестить Лешку, которого только неделю тому назад определила в «мальчики для комнатных услуг», и вела теперь серьезные переговоры с протежировавшей ей кухаркой. Переговоры носили характер неприятно-тревожный, тетка сильно волновалась, и рога на стене круто поднимались и опускались, словно какой-то невиданный зверь бодал своих невидимых противников.

Разговор велся полным голосом, но на патетических местах падал до шепота, громкого и свистящего.

Предполагалось, что Лешка моет в передней калоши. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает, и Лешка с тряпкой в руках подслушивал за дверью.

– Я с самого начала поняла, что он растяпа, – пела сдобным голосом кухарка. – Сколько раз говорю ему: коли ты, парень, не дурак, держись на глазах. Хушь дела не делай, а на глазах держись. Потому – Дуняшка оттирает. А он и ухом не ведет. Давеча опять барыня кричала – в печке не помешал и с головешкой закрыл.

Рога на стене волнуются, и тетка стонет, как эолова арфа:

– Куда же я с ним денусь? Мавра Семеновна! Сапоги ему купила, не пито, не едено, пять рублей отдала. За куртку за переделку портной, не пито, не едено, шесть гривен содрал...

– Не иначе как домой отослать.

– Милая! Дорога-то, не пито, не едено, четыре рубля, милая!

Лешка, забыв всякие предосторожности, вздыхает за дверью. Ему домой не хочется. Отец обещал, что спустит с него семь шкур, а Лешка знает по опыту, как это неприятно.

– Так ведь выть-то еще рано, – снова поет кухарка. – Пока что никто его не гонит. Барыня только пригрозила... А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступается. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адеот, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку.

– Ну, дай ему Бог...

– А уж у нас, что жилец скажет, то и свято. Потому человек он начитанный, платит аккуратно...

– Аи Дуняшка хороша! – закрутила тетка рогами. – Не пойму я такого народа – на мальчишку ябеду пущать...

– Истинно! Истинно. Давеча говорю ей: «Иди двери отвори, Дуняша», – ласково, как по-доброму. Так она мне как фыркнет в морду: «Я, грит, вам не швейцар, отворяйте сами!» А я ей тут все и выпела. Как двери отворять, так ты, говорю, не швейцар, а как с дворником на лестнице целоваться, так это ты все швейцар...

– Господи помилуй! С этих лет до всего дошпионивши. Девка молодая, жить бы да жить. Одного жалованья, не пито, не...

– Мне что? Я ей прямо сказала: как двери открывать, так это ты не швейцар. Она, вишь, не швейцар! А как от дворника подарки принимать, так это она швейцар. Да жильцову помаду...

Трррр... – затрещал электрический звонок.

– Лешка-а! Лешка-а! – закричала кухарка. – Ах ты, провались ты! Дуняшу услали, а он и ухом не ведет.

Лешка затаил дыхание, прижался к стене и тихо стоял, пока, сердито гремя крахмальными юбками, не проплыла мимо него разгневанная кухарка.

«Нет, дудки, – думал Лешка, – в деревню не поеду. Я парень не дурак, я захочу, так живо выслужусь. Меня не затрешь, не таковский».

И, выждав возвращения кухарки, он решительными шагами направился в комнаты.

«Будь, грит, на глазах. А на каких я глазах буду, когда никого никогда дома нет».

Он прошел в переднюю. Эге! Пальто висит – жилец дома.

Он кинулся на кухню и, вырвав у оторопевшей кухарки кочергу, помчался снова в комнаты, быстро распахнул дверь в помещение жилья и пошел мешать в печке.

Жилец сидел не один. С ним была молоденькая дама, в жакете и под вуалью. Оба вздрогнули и выпрямились, когда вошел Лешка.

«Я парень не дурак, – думал Лешка, тыча кочергой в горящие дрова. – Я те глаза намозолю. Я те не дармоед – я все при деле, все при деле!...»

Дрова трещали, кочерга гремела, искры летели во все стороны. Жилец и дама напряженно молчали. Наконец Лешка направился к выходу, но у самой двери остановился и стал озабоченно рассматривать влажное пятно на полу, затем перевел глаза на гостьины ноги и, увидев на них калоши, укоризненно покачал головой.

– Вот, – сказал он с упреком, – наследили! А потом хозяйка меня ругать будет.

Гостья вспыхнула и растерянно посмотрела на жильца.

– Ладно, ладно, иди уж, – смущенно успокаивал тот.

И Лешка ушел, но ненадолго. Он отыскал тряпку и вернулся вытирать пол.

Жильца с гостьей он застал молчаливо склоненными над столом и погруженными в созерцание скатерти.

«Ишь, усталились, – подумал Лешка, – должно быть, пятно заметили. Думают, я не понимаю! Нашли дурака! Я все понимаю. Я как лошадь работаю!»

И, подойдя к задумчивой парочке, он старательно вытер скатерть под самым носом у жильца.

– Ты чего? – испугался тот.

– Как чего? Мне без своего глазу никак нельзя. Дуняшка, косой черт, только ябеду знает, а за порядком глядеть она не швейцар... Дворника на лестнице...

– Пошел вон! Идиот!

Но молоденькая дама испуганно схватила жильца за руку и заговорила что-то шепотом.

– Поймет... – расслышал Лешка, – прислуга... сплетни...

У дамы выступили слезы смущения на глазах, и она дрожащим голосом сказала Лешке:

– Ничего, ничего, мальчик... Вы можете не затворять двери, когда пойдете...

Жилец презрительно усмехнулся и пожал плечами.

Лешка ушел, но, дойдя до передней, вспомнил, что дама просила не запирать двери, и, вернувшись, открыл ее.

Жилец, как пуля, отскочил от своей дамы.

«Чудак, – думал Лешка, уходя. – В комнате светло, а он пугается!»

Лешка прошел в переднюю, посмотрелся в зеркало, померил жильцову шапку. Потом прошел в темную столовую и поскреб ногтями дверцу буфета.

– Ишь, черт несоленый! Ты тут целый день, как лошадь, работай, а она знай только шкап запирает.

Решил идти снова помешать в печке. Дверь в комнату жильца оказалась опять закрытой. Лешка удивился, однако вошел.

Жилец сидел спокойно рядом с дамой, но галстук у него был набоку, и посмотрел он на Лешку таким взглядом, что тот только языком прищелкнул:

«Что смотришь-то! Сам знаю, что не дармоед, сложа руки не сажу».

Уголья размешаны, и Лешка уходит, пригрозив, что скоро вернется закрывать печку. Тихий полустон-полувздок был ему ответом.

Лешка пошел и затосковал: никакой работы больше не придумаешь. Заглянул в барынину спальню. Там было тихо-тихо. Лампадка теплилась перед образом. Пахло духами. Лешка влез на стул, долго рассматривал граненую розовую лампадку, истово перекрестился, затем окунул в нее палец и помастил надо лбом волосы. Потом подошел к туалетному столу и перенюхал по очереди все флаконы.

– Э, да что тут! Сколько ни работай, коли не на глазах, ни во что не считают. Хоть лоб прошиби.

Он грустно побрел в переднюю. В полутемной гостиной что-то пискнуло под его ногами, затем колыхнулась снизу портьера, за ней другая...

«Кошка! – сообразил он. – Ишь-ишь, опять к жильцу в

комнату, опять барыня взбесится, как намедни. Шалишь!...»

Радостный и оживленный вбежал он в заветную комнату.

– Я те, проклятая! Я те покажу шляться! Я те морду-то на хвост выверну!...

На жильце лица не было.

– Ты с ума сошел, идиот несчастный! – закричал он. – Кого ты ругаешь?

– Ей, подлой, только дай поблажку, так после и не выживешь, – старался Лешка. – Ею в комнаты пускать нельзя! От ей только скандал!...

Дама дрожащими руками поправляла съехавшую па затылок шляпку.

– Он какой-то сумасшедший, этот мальчик, – испуганно и смущенно шептала она.

– Брысь, проклятая! – и Лешка наконец, к всеобщему успокоению, выволок кошку из-под дивана.

– Господи, – взмолился жилец, – да уйдешь ли ты отсюда наконец?

– Ишь, проклятая, царапается! Ею нельзя в комнатах держать. Она вчерась в гостиной под портьерой...

И Лешка длинно и подробно, не утаивая ни одной мелочи, не жалея огня и красок, описал пораженным слушателям все непорядочное поведение ужасной кошки.

Рассказ его был выслушан молча. Дама нагнулась и все время искала что-то под столом, а жилец, как-то странно надавливая Лешкино плечо, вытеснил рассказчика из комнаты

и притворил дверь.

– Я парень смысленый, – шептал Лешка, выпуская кошку на черную лестницу. – Смысленый и работяга. Пойду теперь печку закрывать.

На этот раз жилец не услышал Лешкиных шагов: он стоял перед дамой на коленях и, низко-низко склонив голову к ее ножкам, замер, не двигаясь. А дама закрыла глаза и все лицо съежила, будто на солнце смотрит...

«Что он там делает? – удивился Лешка. – Словно пуговицу на ейном башмаке жует! Не... видно, обронил что-нибудь. Пойду поищу...»

Он подошел и так быстро нагнулся, что внезапно воспрянувший жилец пребольно стукнул ему лбом прямо в бровь.

Дама вскочила вся растерянная. Лешка полез под стул, обшарил под столом и встал, разводя руками.

– Ничего там нету.

– Что ты ищешь? Чего тебе, наконец, от нас нужно? – крикнул жилец неестественно тоненьким голосом и весь покраснел.

– Я думал, обронили что-нибудь... Опять еще пропадет, как брошка у той барыни, у черненькой, что к вам чай пить ходит... Третьего дня, как уходила, я, грит, Леша, брошку потеряла, – обратился он прямо к даме, которая вдруг стала слушать его очень внимательно, даже рот открыла, а глаза у нее стали совсем круглые.

– Ну, я пошел да за ширмой на столике и нашел. А вчерась

опять брошку забыла, да не я убирал, а Дуняшка, – вот и брошке, стало быть, конец...

– Так это правда! – странным голосом вскрикнула вдруг дама и схватила жильца за рукав. – Так это правда! правда!

– Ей-Богу, правда, – успокаивал ее Лешка. – Дуняшка сперла, косой черт. Кабы не я, она бы все покрала. Я как лошадь все убираю... ей-Богу, как собака...

Но его не слушали. Дама скоро-скоро побежала в переднюю, жилец за ней, и оба скрылись за входной дверью.

Лешка пошел в кухню, где, укладываясь спать в старый сундук без верха, с загадочным видом сказал кухарке:

– Завтра косому черту крышка.

– Ну-у! – радостно удивилась та. – Рази что говорили?

– Уж коли я говорю, стало, знаю.

На другой день Лешку выгнали.